

Не дай нам бог жить в эпоху великих перемен.

Конфуций

*Блажен, кто посетил сей мир // В его минуты роковые! //
Его призвали всеблагие // Как собеседника на пир. //*

Он их высоких зрелищ зритель,

Он в их совет допущен был – //

И заживо, как небожитель, // Из чаши их бессмертье пил!

Ф.И. Тютчев («Цицерон»)

Времена не выбирают. В них живут и умирают.

А.С. Кушнер

В год столетия Великой октябрьской революции или «большевицкого переворота» – существует и такая точка зрения на события октября 1917 года – в литературе появляются статьи и исследования, авторы которых задаются животрепещущими вопросами: нужна ли была эта революция, можно ли было её предотвратить, а чтобы было, если бы её не было, какие силы стояли за революционным движением и т.п. Всё чаще появляются публикации наших современников, восстанавливающие какие-то отдельные эпизоды из жизни тех или иных «знаковых» деятелей того периода, характеризующих жизнь «в эпоху великих перемен». Несладкая, прямо скажем, была жизнь. Так, В. Елисеев¹ рассказал об одном эпизоде из жизни Марины Цветаевой, когда она из голодающей Москвы приехала в Усмань, чтобы обменять отрезы сатина и ситца на муку и крупу.

Мой дед, Лестев Александр Николаевич вместе с моей бабушкой Ольгой Ильиничной, учительствовавший с 1902 года в селе

¹ В. Елисеев «Станция Усмань – последний привет». В Сб. «Серебряный голубь России 2016». Материалы конкурса «Серебряный голубь России 2016», СПб, 2017. Составитель Лестева Т. М.

Долгуша Землянского уезда Воронежской губернии (ныне Долгоруковского района Липецкой области), в конце 1960-х – начале 1970-х гг. написал интереснейшие воспоминания, о до- и после-революционной жизни центральной России. Это исторические свидетельства *очевидца* тех событий, в том числе, естественно, и начала революции в сёлах Центрального Черноземья.

Цитирую: «Я должен оговориться, что воспоминания мои не идут точно в хронологическом порядке, а по мере возникновения в памяти, которая постоянно поставляет мне то одно, то другое событие. (...)

Революция началась и в Долгуше и в других сёлах и деревнях с погрома и полного разгрома барских усадеб и захвата земли. От барских усадеб оставались камни да пепел. Только в одном имении Ольшанце, верстах в 10 от Долгуши, имение, завод и службы сохранились: видно, крестьяне соседних деревень были дальновиднее. А в имении Верхне-Ломовец курносого барина (сифилитика) не осталось и камня на камне. И сам он умер от огорчения скоропостижно. Он был не богат десятин 300 земли. Была там же барыня по прозвищу Маргуша, всё у неё растащили мужики, даже шаль, которую она надела, стянули с плеч.

В январе 1918 года долгушинцы начали громить имение В.Я. Головацкого. В имении Варвары Борисовны Головацкой было 1000 десятин земли при селе Долгуша Ореховской волости Землянского уезда и винокуренный завод. Муж её – Всеволод Яковлевич Головацкий – учёный доктор медицины. Они имели большой, деревянный на каменном высоком фундаменте дом с подвальным этажом, в доме было 17 зимних комнат. На дворе много служб: контора, людская, поваренная и прачечная, изба садовника, много сараев для хлеба, для скота конюшни и проч. В имении было 50 голов крупного рогатого скота, 40-50 рабочих лошадей и проездная тройка белых арабской породы лошадей для выезда господ.

Имение не считалось богатым и, по словам конторщика Безбродова Алексей Милькогоновича, дон- жуана, несмотря на заикание, приносило в эти предреволюционные годы убытку 6 -7 тысяч руб. Этот убыток покрывался доходами от винокуренного завода, на котором в осенне-зимний период винокурения работало 40-50 крестьян долгушинцев, а руководил ими немец Карл Егорович Пеныр.

В январе 1918 года долгушинцы начали громить имение В.Б. Головацкой. Дело было утром, часов в 10. Когда я услышал об этом, я поручил уроки Ольге Ильиничне, а сам побежал посмотреть, что

происходит в имени. Дом окружила громадная толпа молодёжи, во дворе шёл грабёж, брали мужики барских лошадей, коров, свиней, овец, сбили замки с амбаров, где была мука, хлеб, насыпали в мешки, кто сколько сможет довести на подводе, в саду тоже стояли и ходили люди, раздавалась стрельба из ружей или пистолетов, разбивали стёкла в доме.

Я остановился с двумя знакомыми у ограды сада с мельником Двигубским Володей еврейского типа с чёрной окладистой бородой и зажиточным кулаком Корольковым Иваном Ильичом из деревни Нетеперова (верстах в двух от Долгуши). Не помню, кто из них сказал: “Вот и нас скоро будут громить”. Постояв немного, я вошёл в дом, который охраняли солдаты. В доме был переполох. Барыня то и дело падала в обморок, как только раздавалась стрельба под окнами в саду. Всеволод Яковлевич, муж её, заботливо помогал ей придти в сознание. Там же ухаживала за ней одна пожилая женщина из деревни Кожинки (в 3-х верстах от Долгуши). Я не помню, как подошла ко мне Варвара Борисовна и сунула в руки пальто гимназическое их сына, и деревянную настенную вешалку и одну или две шляпы. Что она говорила, не помню. Шляпы взял у меня Фёдор Егоров, мужик долгушинский. И мы снова пошли по домам.

У крыльца барского дома стояли запряжённые в сани пара белых лошадей. Люди грузили на сани пианино. Сани были большие. На козлах сидел барский кучер, представительный, сильный, с большой бородой, лет пятидесяти. Лошадей держал за повод сельский староста (ещё были старосты) Мартин Иванович по прозвищу Пискунов. Ему было лет 40–45, был он крепкий, ловкий, с небольшой бородой, не из зажиточных, середняк, как потом называли таких хозяев.

Вышли из дома Варвара Борисовна и Всеволод Яковлевич, сели в сани, и лошади побежали. Когда я оглянулся, немного погодя, люди, преимущественно молодые мужики, парни, бабы и девки стали бить в доме подряд все окна, ломать двери, рамы, тащить, кто что захватил – стулья, столы, посуду и проч. На другой день от имения ничего не осталось, только одни стены».

Александр Николаевич тепло отзывается о докторе Всеволоде Яковлевиче Головацком (1861 года рождения), который бесплатно лечил больных крестьян. Он получил звание доктора медицины, защитив в Санкт-Петербурге в 1887–88 гг. диссертацию на тему: «Загрязнение почвы выгребными ямами». Александр Николаевич отмечает - со слов конторщика, что в предреволюционные годы

имение В.Д. Головацкой было убыточным, а убытки покрывались за счёт принадлежащего им винокуренного завода. Цитирую воспоминания о трагических событиях, произошедших вскоре после разгрома усадьбы Головацких.

«Винокуренный завод охраняли присланные из уездного города Землянска солдаты, их было человек 10. Они, эти охранители завода, стали бойко торговать оставшимся на заводе спиртом, его было тысяч десять вёдер в большой цинковой цистерне. Продавали за вещи – ситец, одежду, обувь – и за деньги – керенские и николаевские. Продажа шла большей частью ночью, днём меньше. Я договорился с Вениамином Николаевичем, братом Анны Николаевны, дал ему денег, не помню сколько, и он пошёл и принёс литров 8–10. Поделили.

И вот уже весной, в марте, кажется, на заводе случился пожар. Загорелся спирт в цистерне. Рассказывали очевидцы, что загорелся спирт от спички, брошенной солдатом. Лампа там потухла, он стал её зажигать и бросил горевшую спичку на пол, а пол был залит сплошь спиртом, когда его наливали из-под крана цистерны в посуду покупателей. Спирт вспыхнул и загорелся в цистерне. А мужчин и парней набилось в заводе человек 40 – 50. Началась давка, люди, облитые спиртом, горели, метались к выходу, дело было ночью, в темноте падали, их затаптывали. Ужас! Сгорело по подсчётам 30 человек. Все мужики из деревни Трусовки – 9 человек – сгорели, некоторые ещё жили день-два. Я видел днём уже, как метался от ожогов маленький лет десяти мальчик из деревни Ростобуево (рядом с именем). Умер бедняга. Спирт горел даже на реке, куда бежали спасаться обгоревшие».

Единственное, что не было разграблено и разрушено – это сады. «Чудом каким-то уцелели в Долгуше в имении Головацкой два яблоневых сада, которые в 1922–23 г. поручили мне беречь. В обоих садах было по 750–800 плодовых яблонь. Урожай я сдал в Землянск в сушёном виде. После меня не помню, кто заведовал садами. В отечественную великую войну они были вырублены до основания».

Покинувшие Долгушу Головацкие жили в своей квартире в Задонске, где доктор Головацкий трагически погиб, лет пять спустя. «Через несколько лет после разгрома имения Головацкой в 1923–24 г. Головацкий Всеволод Яковлевич и его супруга – Варвара Борисовна – были зверски убиты в своей квартире в Задонске ночью. Дело было так. На верху этого дома жил какой-то тёмный фельдшер, завидовавший доктору Головацкому, что к нему при-

езжали много больных и привозили, кто что мог. И вот из-за этой подлой зависти этот фельдшер с своими дружками решили погубить доктора. Чтобы обмануть его, фельдшер постучался к доктору, который жил в нижнем этаже, что его требуют к больному. Доктор открыл дверь, и в ту же минуту грабители накинулись на него с ножом и стали колоть, а заодно резать и Варвару Борисовну. Мне рассказывал коммунист Болгов, начальник Задонской милиции, что такой ужасной картины, которую он увидел в квартире, он не видел даже на войне. Вся комната, где убивали, была залита кровью. На теле Головацкого обнаружили 28 колотых ран. Трупы были страшно изуродованы.

Фельдшер, сделав своё чёрное дело, вышел ночью же на балкон стал кричать и жечь бумагу, чтобы вызвать милицию. Его арестовали потом, дружков его не нашли. Он симулировал сумасшествие, подержали его в тюрьме недолго, убиты- то были помещики, и тем дело кончилось».

Александр Николаевич, по- видимому, ошибся относительно убийства Варвары Борисовны. Когда я опубликовала в 2005 году в книге «Путешествие по семейному архиву» воспоминания деда, мне позвонил из Москвы какой-то мужчина. Он приехал в Петербург, купил эту книгу и сказал, что он приобретает её по просьбе родственников Головацких. Он рассказал мне, что Варвара Борисовна не погибла, ей удалось каким-то образом выбраться в Москву, где она и жила. Но до последних дней она скрывала, что была женой Всеволода Яковлевича, говорила, что была только прислугой у доктора. К сожалению, в тот момент я не расспросила визитёра о родственниках Головацких, для которых он покупал книгу, не сохранился и его телефон.

И вот, перечитывая воспоминания Александра Николаевича, обращаю внимание на то, что Варвара Борисовна отдала моему деду пальто его сына. К 1918 году у Александра Николаевича было уже семеро детей – пятеро сыновей и две дочери. В семье Головацких был сын – Головацкий (Имярек) Всеволодович. Он или его дети жили в Москве? Знали ли они о том, что Варвара Борисовна была по происхождению помещицей или узнали об этом только из воспоминаний Александра Николаевича?

Из какой семьи происходил сам Всеволод Яковлевич? Был ли он сыном писателя Якова Фёдоровича Головацкого (1814–1888 гг.), который по информации словаря Брокгауза и Эфрона с 1848 года возглавлял кафедру русского языка и литературы в Львовском университете, был деканом и ректором университета и «...На лек-

циях и в печати Г. отстаивал интересы галицко-русской народности от враждебных поползновений поляков и немцев». Позже он переехал в Россию, в Вильно.

В Интернете нашла ссылку на Головацкую О.Я. (Яковлевна? – Т. Л.), которая «...вместе с братом В.Я. Головацким написала воспоминания об отце – Я.Ф. Головацком, филологе, историке, поэте». Они опубликованы в книге Аристов Ф.Ф. «Карпатско-русские писатели», т. 1, М., 1916, с. 109-112. Может быть, потомки О.Я. Головацкой интересовались судьбой этих помещиков? Думаю, что для краеведов Долгуши и Задонска есть тема для изучения...

Мой дед, начал писать свои воспоминания с сомнений, будет ли их кто-нибудь читать. Теперь, почти полвека спустя после их написания, я полагаю, что его сомнения можно развеять: читают. И, цитируя Ф.И. Тютчева, он – «высоких зрелищ зритель» – сказал своё слово, внёс свою крошечную лепту в сохранение исторической правды о кровавых событиях революционного движения в сёлах центральной России.

«Времена не выбирают», но историческая правда должна быть правдой, а не переписываться регулярно заново в зависимости от направления политического ветра, дующего из правительственных кругов.

Санкт-Петербург